

Маленькая девочка

Автор:

Лара Шапиро

Маленькая девочка

Лара Шапиро

«...Это были её самые ранние воспоминания детства, их небольшая квартира в Каслях, пропахшая типографской краской и клеем, аккуратно сложенные на полу многочисленные стопы книг и окно, огромное, во всю стену. Окно выходило на площадь. Она любила сидеть у окна и смотреть. На площади стояла церковь. Каждый день через площадь несли гробы и звенели колокола. Она сидела у окна и смотрела на эти бесконечные вереницы гробов. Её звали Лариса, ей не было и трёх лет, но эти гробы, колокольный звон и старенькую белую церковь она запомнила на всю жизнь...»

Шапиро Лара

Маленькая девочка

© Шапиро Лара, 2017

* * *

По-над пропастью, над краем

Я беду свою толкаю,

Ветер волосы ласкает,

Чайки крик и моря стон.

Отлюбила, отсмеялась,

а того, чего боялась,

так со мною и осталось:

гроб, кресты и церкви звон.

Не горюйте, не тужите.

Как вы жили, так живите.

Улечу я птицей вольной

Со скалы на моря зов.

Растворюсь в песчинках малых,

в тихих островках кораллов,

моря вековым дыханье,

лишь одно воспоминанье –

алый след на чёрных скалах.

Предисловие

В самом центре России, на Южном Урале, есть небольшое, но очень живописное местечко Касли, прославившееся своим “каслинским литьём”. Глухое местечко. Наверное, поэтому советская власть, вместе с навязанным ею атеизмом, там не вполне укоренилась и усопших отпевали по старой русской традиции.

Это были её самые ранние воспоминания детства, их небольшая квартира в Каслях, пропахшая типографской краской и клеем, аккуратно сложенные на

полу многочисленные стопы книг и окно, огромное, во всю стену. Окно выходило на площадь. Она любила сидеть у окна и смотреть. На площади стояла церковь. Каждый день через площадь несли гробы и звенели колокола. Она сидела у окна и смотрела на эти бесконечные вереницы гробов. Её звали Лариса, ей не было и трёх лет, но эти гробы, колокольный звон и старенькую белую церковь она запомнила на всю жизнь. Наверное, оттуда и зародилась её тяга к драматизации. Жизнь начиналась со смерти. А «окна-во-всю-стену» она любит до сих пор. Напоминают детство и маму. Которой уже нет.

Когда Лариса стала взрослой, она специально съездила туда. Всё показалось таким маленьким: дом, площадь, церковь, сами Касли. А тогда, в детстве, всё было большим, безразмерным, бескрайним, огромным.

Весь мир с годами становится меньше и меньше.

Ребёнком, все вокруг называли её Ларчиком и обращались в мужском роде: «Ларчик, ты пришёл? Ларчик ты пошёл? Ларчик, ты покушал?» В юности стали называть «Лорик» и продолжали обращаться в мужском роде. Возможно, это обращение к ней как к мужчине и наложило печать на всю её последующую деятельность и даже судьбу.

Последнее лето перед школой. Её с Лёшкой старшаки считали вундеркиндами, поскольку они уже знали таблицу умножения. Их показывали вновь прибывшим как достопримечательность улицы, чем Лёшка и Ларчик очень гордились. У Лёшки был брат Юрка, на год младше. Оба были её тайными поклонниками и воздыхателями. Ларчик была заводилой, основным генератором идей и поклонники у неё имелись. Её новая идея звучала как «угнать у старшаков плот и переплыть на нём озеро, чтобы посмотреть, какая глубина на том берегу». Тогда она рассуждала так: раз чем дальше от берега, тем глубже, то на том берегу должна быть самая глубокая глубина.

Ларчик предложила угнать у старшаков плот рано утром, в их отсутствие. Малыши её не поддержали. Всем было страшно забраться на плот. Стояли у берега и мялись. Ну и чёрт с вами, поплыву одна в своё «кругосветное путешествие» по озеру, подумала Ларчик. В тот момент она увидела глаза Лёшки и Юрки. В их глазах застыл ужас, борьба двух страхов: страха шагнуть на плот, в неизвестность, и страха оставить её одну на этом плоту, наедине с пугающей неизвестностью. Им было страшно. Но ещё страшнее им было оставить её одну. И они шагнули.

Так они и плыли втроём, гребя палками вдоль берега. Если пытались уйти слишком далеко, то палки не доставали дна и они не могли толкаться, поэтому держались берега.

Благодаря этому путешествию они узнали, что в некоторых местах их озеро покрыто тиной и не везде можно купаться. Что на том берегу растут красивые плакучие ивы. Что их казахские ровесники уже работают наравне со взрослыми, пасут скот верхом на лошадях, не боясь ни коров, ни быков. Они как раз привели скот на водопой, когда Ларчик, Лёшка и Юрка проплывали мимо.

Проплавали они почти весь день. К закату вернулись. Старшаки им накостыляли. Но малышня встретила их как героев.

В 7 лет Ларчик пошла в школу, в Северо-Казахстанской области, куда её семья переехала «по заданию партии и правительства» – в связи с маминой партийной работой. Мама была парторгом коммунистической партии и входила в советскую элиту, называвшуюся «номенклатурой». Им предоставили новенький коттедж из белого кирпича с тремя спальнями и огромным залом, где Ларчик любила танцевать под песни Анны Герман и «Умчи меня лесной олень».

Вокруг коттеджа был огромный участок, из которого сразу же сделали огород, а часть участка отвели под кроличью ферму. Ларчика записали в элитную музыкальную школу, по классу фортепиано, куда её отвозил и привозил предоставленный правительством водитель с авто. Мама была юристом и поначалу работала в военкомате, а затем в каком-то непонятном учреждении со странным названием «Прокуратура». Мама была прокурором. Ларчик тогда мало понимала что это, но её пугало само слово.

Все три года начальной школы она только и слышала, что Китай вот-вот захватит весь Казахстан, поскольку китайцев слишком много и им нужно больше земель и пространства. Было страшно. Очень. Ларчик всё время изучала карту Китая, какой он большой. Училась писать левой рукой и заставляла одноклассников делать то же самое, услышав по телевизору, что в одной из стран террористы захватили школу и детям отрезали правые руки, чтобы они не могли учиться.

Мама тогда работала в военкомате, а с ней русские офицеры. Красивые, стройные, голубоглазые. Облучённые офицеры с Байконура... Так, в 8 лет Ларчик впервые услышала историю про остров Даманский, где горстку наших ребят просто вырезали сотни ополоумевших китайцев.

Неудивительно, что по окончании второго класса она решила организовать дипмиссию в Китай: пойти к китайцам и объяснить, что советские люди мирные и хорошие, чтобы китайцы не нападали на Казахстан. Незнание китайского не останавливало: будем рисовать улыбающиеся солнышки и петь песни, рассуждала Ларчик.

Для дипмиссии были выбраны два брата-хулигана: Юрка и Павлик, которые были её тайными воздыхателями. Юрка был на два года старше и опытнее в плане походов. Павлик был одноклассником Ларчика, но делал всё, как скажет Юрка. Ещё был Игорь, «ботаник», одноклассник Юрки, который тоже симпатизировал Ларчику, и его сестра Люда, одноклассница Павлика и Ларчика. Вот такой состав. В общем, Ларчик подло воспользовалась симпатией всех троих парней и подбила их на собственные авантюры.

Провизией и одеялами запаслись заранее и незаметно. Выходить решили ночью, когда родители будут спать, чтобы иметь преимущество в несколько часов. Игорь был самым умным, всё рассчитывал и продумывал.

Их искали двое суток. На милицейских и военкоматовских «бобиках», потому что у Юрки и Павлика отчим был начальник угрозыска, а мама Ларчика работала в военкомате. Были подняты все службы. Но они ловко маскировались в лесу. Во-первых, они были маленькие и незаметные. Во-вторых, заслышав вой сирен, они тут же гасили костёр и засыпали всё вокруг прошлогодними листьями, не оставляя следов.

На третьи сутки их нашли. Ларчика поставили в угол, «подумать над своим поведением». Причина: оставление младшей сестры без присмотра. Сестре на тот момент было четыре года. «Моя мама совсем дура, – думала Ларчик, стоя в углу. – У меня ДИПМИССИЯ, ну куда я с четырёхлетним ребёнком в Китай?»

Игорь и Люда были из интеллигентной семьи и отделались «воспитательной беседой». А вот Юрка с Павликом... Юрку с Павликом отчим избил резиновым шлангом. Сильно. На них живого места не было, они ходили сине-чёрные. А мама

ещё до-о-олго тыкала Ларчику – посмотри, до чего ты людей довела. Она догадывалась, чья это была бредовая идея. Так в девять лет Ларчик осознала значение фразы: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Потом была Россия и средняя школа. Обыкновенная школа с военным уклоном. Уроки НВП (начальная военная подготовка), почти каждый день и полевые учения под названием «Зарница». Наверное, так было надо. Плакаты и слайды с подробностями последствий химических, ядерных, биологических, газовых и ещё каких-то там атак, яркие картинки изуродованных человеческих тел отпечатались в памяти на всю жизнь.

И снова они только и слышали, что на них вот-вот нападёт... теперь уже Америка. Что надо быть готовыми, и если убьют всю советскую армию, то страну защищать придётся им. Несмотря на возраст. Их воспитывали в духе «кто, если не мы?» и «в жизни всегда есть место подвигу». Из них делали солдат. Их детские сознания прессинговали до такой степени, что Ларчик не выдерживала. Приходила домой рыдая: «Мама, нас завтра всех убьют. И это будет не самое страшное. Самое страшное достанется тем, кто останется в живых. Мама, у американцев четыре варианта нападения, и во всех четырёх – Челябинск и Екатеринбург на первом месте...» Мама садила Ларчика перед картой мира и показывала: «Вот, посмотри, Америка, а вот мы. Америка в три раза меньше нас. Пока они разгромят одну треть нашей территории, мы разгромим их уже полностью». Это успокаивало, но ненадолго...

В школе у них не было классов. Были взводы и роты. Когда пришло время вступать в комсомол, Ларчика приняли в первом потоке и тут же выбрали комсоргом и командиром взвода. Так они и учились: сначала обычные уроки, а потом уроки НВП, где звучала команда «Газы!», где из них делали солдат. Сборка-разборка автомата Калашникова, стрельба из положения стоя, из положения лёжа. Лазание по канату, через забор, через огонь, хождение по лестнице: ногами, руками. На скорость. Метание гранаты.

– Рядовая Заплатинская, как вы метаете гранату?! Вы себя на ней подорвёте, а не врага!

– Товарищ лейтенант, а я дождусь, когда враг подойдёт поближе, – и сразу всех!

– Рядовая Заплатинская!

– Я!

– К доске!

– Есть!

– Расскажите нам устройство Боевой Машины Модернизированной...

Так прошли её детство и юность.

История маленькой девочки

Информацией можно отравиться, поэтому её нужно выдавать порциями.

Уважаемый читатель, хотелось бы обратить ваше внимание на то, что все герои этой истории выдуманы, все совпадения случайны. Это вымысел, поэтому автор позволила себе отсутствие связного сюжета и соблюдения хронологии развития событий.

Часть первая

Жила-была девочка, маленькая-премаленькая. Однажды она решила посмотреть мир и отправилась в город Е. В городе Е она долго не могла найти гостиницу, бродя по ночным улицам, и на неё напал один злой человек.

– Вы хотите изнасиловать меня прямо здесь, среди этих опавших листьев и грязи? – спросила маленькая девочка.

– Да, – ответил злой человек.

«Так вот как теряют невинность», – подумала маленькая девочка и испугалась. Не человека, а самой ситуации.

Но тут из чёрной-пречёрной ночи выскочила чёрная-пречёрная собака и набросилась на обидчика. «Наваждение, – подумала девочка. – Или Бог помогает». И ушла.

А перед сном она решила, что город Е совсем не для маленьких девочек. И ещё она дала себе «клятву Сталина», что никогда ни один мужчина не увидит страха в её глазах. Девочку звали Лара.

На следующий день Лара сдавала экзамены в театральный институт, и все спрашивали, почему она такая бледная.

Экзамены она сдала хорошо, но в институт всё равно не поступила, потому что для этого нужно было иметь маму, работающую директором дома мод «Рубин». Однако её заметил сидевший в комиссии известный режиссёр. И пригласил к себе. Так Лара попала в театр.

По ту сторону сцены публика была довольно эксцентричная: всё время обсуждали чей-то нос или чей-то глаз. Кто как танцует. И кто с кем спит. А ещё молоденькие актрисы любили ездить развлекаться с сомнительными личностями. Однажды они так съездили, и их здорово побили за отказ «оплачивать услуги», но они всё равно решили поехать во второй раз, потому что им было скучно.

– Пусть едут, – сказала Элен. – Пусть их всех там изнасилуют и морды набьют, может, это их хоть чему-нибудь научит.

– Да, но они же... девственницы. И сами не ведают, что творят, – возразила Лара. – Будет лучше, если я поеду с ними и спасу их, если потребуется.

– Тебе это надо?

– А кто, если не я?

И она поехала.

Сначала был банкет. Все сидели за столами, ели, пили и вели светские беседы. Всё было спокойно и тихо. Но потом молоденьких актрис, по одной, стали растаскивать в разных направлениях какие-то тёмные личности, а тех, кто сопротивлялся, начинали бить. Лара поняла, что «направлений» слишком много, а её одной слишком мало, чтобы «спасти всех». И тогда она сделала первое, что ей пришло в голову (времени на раздумье не было). Она разыграла сердечный приступ. Так убедительно, что началась массовая истерия. А закончилось всё неотложкой. Усилием воли, Лара почти остановила себе сердце...

«Да, – подумала она, выходя из больницы, – человек сам не знает своих возможностей...»

Когда театр становится твоей работой, это уже не так интересно. Да и зрителей совсем не видно от спящих глаза рампы. Одна сплошная чернота. Однако...

Театр! Эта пьянящая, всепоглощающая, завораживающая, головокружительная сила театра! Когда ты выходишь на сцену, а там – они! Зрители. Ждут. Сотни ожидающих глаз! И ты можешь заставить их смеяться или плакать, сожалеть, негодовать или радоваться, Ты можешь сделать так, чтобы они, затаив дыхание, слушали и ловили каждое твоё слово, каждый твой жест. Негодование и восхищение, восторг и презрение, любовь и ненависть – ты можешь вызвать у зрителя все эти чувства, это всё в твоей власти!

А когда ты уже известен и каждый твой выход на сцену встречается громом оваций и бурей восторгов, ты волнуешься ещё больше. Волнуешься и боишься разочаровать. И ты должен выдержать паузу (чем талантливее актёр, тем дольше он держит паузу). А потом начать, нет, не играть – жить, и заставить ИХ жить этим. О эта непередаваемая власть театра, эта бешеная страсть театра!

Чтобы быть актёром, нужен богатый внутренний мир. Без этого никак. Нужно много читать и наблюдать за людьми. Везде. На остановке, в автобусе, на улице, в магазине. «Чтобы понять, о чём человек думает, постарайтесь принять его позу. Постарайтесь представить, что у него произошло до того, как вы его встретили. Что у него произошло вчера», – учил их Режиссёр.

Он никогда не разрешал им сразу учить текст. Никогда. Сначала изучите персонаж. Почему он (персонаж) говорит так? Выбирает именно эти слова, именно в такой последовательности? Почему он так выстраивает фразы, предложения? Почему не иначе? Постарайтесь узнать о своём персонаже как можно больше. Из произведения, из жизни автора, из описания быта того времени, из всех книг, которые вы найдёте, как-то связанных с этим персонажем и тем временем, в котором он жил. Почему ваш персонаж думает и поступает именно так? почему он так себя ведёт? Чем он живёт? Чем живут люди, окружающие его? Постарайтесь, чтобы этот персонаж стал вашим родным, самым близким человеком, чтобы вы научились его понимать. Понимать и принимать. Таким, какой он есть. Постарайтесь стать им. И вот когда вы почувствовали, что стали этим человеком, тогда можете приступить к разучиванию текста. Тогда его слова будут для вас родными и естественными. Вашими. Его слова, его реакция, его поведение – это будет всё родным и понятным. Это вы сами. Так учил Режиссёр.

Он учил их мизансценам. Это когда открывается сцена, а там никого нет. Только предметы. Но предметы выстроены так, что зрителю сразу становится понятным, что здесь произошло.

Он давал им упражнения и на беспредметное действие: нужно было так обращаться с несуществующим предметом, чтобы всем стало понятно, что за предмет и какое действие с ним совершается.

Режиссёр был великим юмористом и любил экспериментировать. Например, он делил группу на две подгруппы и давал два разных задания каждой подгруппе. Ни одна из групп не знала о задании другой группы. Одной группе он говорил: «Сейчас к вам придут шпионы, которые у вас будут осторожно выспрашивать разного рода информацию, а вам нужно делать вид, что вы не догадались, что они шпионы, но при этом установить, с какой целью они выведывают и какого рода информацию, что конкретно они хотят узнать». Второй группе он говорил: «Вы врачи-психиатры. Сейчас вы пойдёте в больницу, где вам нужно осторожными расспросами выяснить, каким психическим расстройством

страдает пациент, и поставить диагноз». Потом Режиссёр разводил всех по парам и с наслаждением наблюдал за процессом.

Он учил их чувствовать друг друга. Например, садил всех на стулья в два ряда. Первый ряд должен был просто сидеть, а второй ряд – закрыть глаза и представлять, что впереди сидящий человек раздевается перед ним, а это противно. И вот когда степень отвращения достигнет пика и уже нет сил дальше за этим наблюдать, нужно было открыть глаза и посмотреть в затылок впереди сидящему. А впереди сидящий должен был повернуться назад, как только он почувствует взгляд на своём затылке.

Режиссёр давал им совершенно противоположные сверхзадачи и говорил: кто талантливее, тот и вытянет сверхзадачу. Никому не хотелось быть бездарностью. Впоследствии, это упражнение очень помогло Ларе и даже спасло ей жизнь. Любую жизненную ситуацию она воспринимала как упражнение на сверхзадачу. Например: «У него (бандита) сверхзадача – убить, у меня сверхзадача – не допустить этого». Она никогда не была бездарностью.

А однажды Режиссёр заставил Лару повторить «подвиг Комиссаржевской» и рассказать историю таблицей умножения. Так, чтобы всем было понятно. Если бы он знал, если бы он только знал, как пригодятся его уроки актёрского мастерства, когда придётся не только таблицей умножения, а одними взглядами составлять целый рассказ так, чтобы тебя поняли. Чтобы спастись или спасти товарища.

По программе актёрского мастерства им полагалось знать танцы народов мира: и «французский бытовой» семнадцатого века, и танго, и вальс, и даже популярную в то время ламбаду. Однажды их хореограф, знаменитость города Е, пригласил всю труппу на просмотр латиноамериканских танцев по видео. Но время доступа к видео было неудачным: в расписании стояло «актёрское мастерство». Все начали умолять Режиссёра перенести, так как будут латиноамериканские танцы с «элементами эротики». И тогда Режиссёр остановился, медленно развернулся и произнёс: «Эротика – это красота женского тела. Вам это не грозит».

В общежитии молоденьких актрис происходили разные неприличные вещи. Впрочем, неприличные вещи происходили во всех «молоденьких» общежитиях,

но у людей искусства всё это обостряется, принимая какие-то уродливые формы сюрреализма.

Однажды среди ночи Лара услышала шаги по коридору. Направлялись к её двери. Раздался стук с требованием открыть.

– Открой, – сказала Элен, оставшаяся в ту ночь у нее, поскольку боялась спать одна в своей комнате общежития. – Открой, я его знаю.

Она открыла. На пороге стоял молодой человек бандитской наружности. Элен тут же улизнула сквозь щель, а бандит повернул в замке ключ и набросился на Лару.

«Та-ак, – подумала она, – кричать мы не будем, это вряд ли поможет. Будем биться до последнего». И началась «драка». В бандита летело всё, что можно было схватить: бутылки от пепси, посуда, туфли, стулья. Но он был натренирован и ловко уворачивался, скача за Ларой, а она от него – по столам, тумбочкам, табуреткам, кроватям.

«Однако, – подумала Лара, – какими сильными бывают мужчины в порыве... страсти».

Когда в комнате уже всё было переломано, швырять было нечем и сил больше не оставалось, бандит схватил её, бросил на переломанную кровать и начал душить. Проваливаясь в черноту, краем глаза она увидела летящую дверь, двух милиционеров и... потеряла сознание.

Когда она очнулась, чьи-то заботливые руки уже обрабатывали ей ссадины и подтёки, кто-то принёс покрывало и укутал её, кто-то наливал чай.

– Зинка, – устало спросила Лара, – ты была через стенку, ты не слышала шума?

– Я слышала, но подумала, что у тебя гости.

– Зинка, ты меня знаешь уже год, ко мне по ночам ходят гости?!

– Элен, ты сказала, что ты его знаешь...

– Я хотела сказать, что знаю: если мы не откроем, то он вышибет дверь и будет ещё хуже. «Куда уже хуже», – с грустью подумала Лара.

– Вахтер, как вы могли пропустить бандита?

– Он сказал, что ты его любовь и что он летел к тебе через тысячи километров.

– Что за чушь, я вижу его первый раз!

И наконец, последняя загадка: почему он целенаправленно (судя по шагам в коридоре) шёл к её двери? Неужели кто-то специально подстроил эту ситуацию?

Разгадка пришла на следующий день. Оказалось, он шёл не в 413-ю (где жила Лара), а в 415-ю, где жили легкодоступные девицы, принимавшие в свои объятия любого страждущего. Бандит просто перепутал комнаты.

“Как важно иметь хороших соседей!” – подумала Лара.

Мишель

Маленькие воробьи смешно прыгали вокруг скамейки, склёвывая крошившуюся им булочку.

Они сидели на скамеечке в парке большого города. Первое лето после окончания школы. Они «поступали». Он – в юридический, она – в театральный. Познакомились в гостинице для студентов. Его Глаза, его изумрудные глаза. Огромные. Гипнозные... они сводили с ума...

– Мне все об этом говорят, – сказал он. – Миша из Читы.

Это она назвала его «Мишель» – за нежность, к которой так не подходило имя «Миша». «Мишелем» его и узнал город Е...

Всё лето они гуляли по улицам, знакомились с городом, ходили в кино, рестораны. Он покупал ей розы и мороженое, а она дарила ему восхищённые взгляды. Они ни разу не прикоснулись друг к другу. Это было ещё детство. По субботам в четыре утра он провожал её на автобус до Челябинска, и, пока они ехали вместе, ей так хотелось положить голову ему на плечо, закрыть глаза, «прикорнуть». Но она стеснялась, воспитанная строгой бабушкой, стеснялась «прижиматься к парню», да ещё на людях. А так хотелось! Даже взять его под руку стеснялась. А он... тоже был очень стеснительный. Так они «простеснялись» полгода, встречаясь почти каждый день, ловя каждое слово, каждое движение, каждый взгляд, каждый вздох друг друга! Все говорили, что это любовь. Друзья завидовали, а они никого не замечали вокруг. Никого и ничего. Они видели только друг друга, они пожирали друг друга глазами.

И вот новый день и новая встреча.

– Я женюсь, прости, но у меня есть другая... девушка. Она из влиятельной семьи, коренная, а я всего лишь приезжий, необеспеченный, студент. Мне трудно. Она же богата, и её родители могут помочь мне с карьерой.

– Ну что ж. Можем мы хотя бы... остаться друзьями?

– И это всё?!

– Что – всё?

– Зная тебя, твой характер, я так боялся говорить... я думал, ты по меньшей мере под трамвай бросишься.

– Банально. «Анна Каренина» уже написана.

И они расстались.

А вот сейчас самое интересное.

Прошло ещё полгода. В театре, в группе молоденьких актрис была Наталья Гончарова, от которой были без ума многие мужчины города Е. А она всё «знакомилась» и «знакомилась», всё “принца” искала. Наконец остановила свой

выбор на молоденьком студенте юридического Вовчике. И вот приходит Натали однажды в театр и рассказывает удивительную историю:

– У Вовчика есть друг. Очень способный студент, подающий надежды юрист. Но начал спиваться. И всё хуже и хуже. Дня не проходит, чтобы он не напился. Все в отчаянии, а виной всему – его жена и события полугодичной давности. У этого друга была девушка. Говорят, неземное создание, таких не бывает, такие только в книгах встречаются. А он променял её на эту девицу лёгкого поведения, которая каждую ночь гуляет по дискотекам и спит со всеми подряд... У этого друга такие глаза! Изумрудные. Неземные. Гипнотизирующие. Вовчик очень просил найти ему какую-нибудь актрисочку, чтоб от пьянства избавиться. Жаль парня... Лорик, ты что такая бледная?

Конец

Купить: https://tellnovel.com/shapiro_lara/malen-kaya-devochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)